

Специфика формирования социокультурной идентичности русскоязычных вынужденных мигрантов.

Тарасенко Алена Валерьевна¹

аспирант

Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь, Россия

E-mail: alena.stavropol@rambler.ru

Несущей конструкцией этнической и социокультурной идентичности является отношение к Родине и дому. Родина для вынужденных русскоязычных переселенцев из стран бывшего Советского Союза - это не иллюзорная далекая земля, а вполне осязаемая реальность.

Изучение повседневного опыта жизни мигрантов в России и то, как образ последней преломляется в их сознании, показывает, что именно в столкновении с родиной лицом к лицу переселенцы начинают ощущать свою инаковость по отношению к коренным ее жителям и свою общность, близость с другими русскими из бывших советских республик. Ностальгия по оставленному дому и разочарование в доме вновь обретенном становятся краеугольным камнем в процессе формирования социокультурной идентичности вынужденных русскоязычных мигрантов. Это обусловлено следующими факторами.

1. Изначальная идентичность русскоязычного сообщества в бывших советских республиках формировалась на стыке двух противоречивых тенденций.

С одной стороны, все этнические группы, имеющие культурную и историческую связь с Россией, в течение долгого времени подвергались своеобразной диаспоризации со стороны властей советской и постсоветской России (Pilkington H., 1998, p. 26; Melvin N. (1998), p. 39). Происходило это посредством частого употребления термина «соотечественники» по отношению к русскоязычным меньшинствам, «мысленного, производимого на уровне дискурсов и деклараций, отодвигания современных административных границ страны в те пределы, которые охватывают территорию расселения русского этноса» (Pilkington H., 1998, p. 25). Однако, официальная риторика, направленная на поддержку русскоязычных как своих, «нашенских», со временем перестала соответствовать реальным экономическим возможностям России и не подкреплялась политической волей ее руководства (Zevelev I., 1996, p. 265-284).

С другой стороны, степень ощущение себя русскими русскоязычного населения, проживающего на территории бывших советских республик, во многом зависела от «политики той или иной страны, ...от социально-экономического положения русскоязычных и этнокультурной дистанции, отделяющей их от коренных жителей» (Brubaker R., 1999). В силу исторически сложившихся обстоятельств, граница между русскоязычным и титульным населением бывших советских республик становилась все более прозрачной. Как следствие, в большинстве случаев русскоязычное население не воспринимали Россию как «родину», а в XX в. «советскость» вытеснила все предшествующие формы этнической/национальной идентичности. Как отмечает Г. Смит, русскоязычным, проживающим на территории бывших советских республик, практически «чуждо чувство транснациональной солидарности, которое объединяло бы их группы» (Brubaker R., 2000, p. 6-32). Характеризуя русскоязычное население как «русских пограничья» (*borderland Russians*), Г. Смит утверждает, что их объединяет в первую очередь «общность географического местоположения по отношению к родине - России, нежели какая-либо солидарная лояльность» (Brubaker R., 1999).

2. В результате распада Союза и усиления сепаратистских и националистических тенденций в бывших советских республиках «старший брат» оказался в роли дискриминируемого этнического меньшинства в уже чужих государствах, приобретающих с разной степенью интенсивности этнократическую окраску. Однако, возвращение на этническую родину, встреча с принимающим обществом, «своим, родным братом» становится для русскоязычного мигранта следующим, не менее

¹ Автор благодарит за помощь в подготовке тезисов д.с.н., профессора Сергодееву Елену Александровну.

тяжелым испытанием. Отсутствие полноценной миграционной политики, поддержки государством и, как следствие, значительные, порой непреодолимые трудности экономического, социального и психологического характера рождают у мигранта ощущение покинутости и ненужности. Равнодушное, а порой, и агрессивное настроение принимающего сообщества приводит к ломке привычных представлений мигрантов о русских, родине, России.

Переселенцы отмечали, что «прежнее существование в бывших республиках связывалось с ощущением безопасности и полноты жизни, основанных на прочных корнях и создаваемых поколениями связях и сетях поддержки» (Х. Пилкингтон, М. Фолинн). Это явственно свидетельствует – места исхода не только воспринимались переселенцами «родиной»; они действительно чувствовали себя там «как дома».

Переселение и столкновение «лицом к лицу» с реалиями местной жизни имеет своим результатом своеобразную переоценку России. Последняя переосмысливается вынужденными мигрантами в терминах «другого» мира, по отношению к которому после переезда у них формируется социо- и этнокультурная идентичность. Представление о «родине» формируется через противопоставление российской действительности тому, что осталось «там», в бывших республиках. Через непрерывную борьбу за существование, попытки получить статус вынужденного переселенца, жилье, работу и, таким образом, воссоздать заново «дом» в России, через преодоление ощущения «чужого на родине» формируется идентичность мигранта со «своей Россией», «своим народом».

Таким образом, миграция русскоязычных, имевшая место после распада СССР, движение туда, где нет «дома», наряду с представлениями о «родине - России», сопряжена со многими противоречиями. Ведь, по сути, миграция не была движением из России, выступающей в роли «родины», а наоборот, движением обратно на «родину». Тем не менее, переезд для большинства мигрантов оказался не идиллическим «возвращением домой», а тяжелым испытанием, связанным с конфронтацией и необходимостью отстаивать свои права. Это обусловило специфику формирования социокультурной, этнической, гражданской идентичности русскоязычных мигрантов в русскоязычном же принимающем сообществе, переосмысления роли и значимости России для себя и себя для России.

Литература.

- Brubaker R. (1999) Accidental Diasporas and External? Homelands? in Central and Eastern Europe: Past and Present (доклад, представленный на международной конференции «Дiasпоры - транснациональное самосознание и политика в странах исхода», состоявшейся в Калифорнийском университете в Беркли).
- Melvin N. (1998) The Russians: Diaspora and the End of Empire // Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union.
- Pilkington H. (1998) Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. L. and N.Y., Routledge.
- Zevelev I. (1996) Russia and the Russian Diasporas // Post-Soviet Affairs. Palm Beach. Vol. - 3.
- Брубейкер Р. (2000) «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Diasпоры. 2000. - 3.
- Х. Пилкингтон, М. Фолинн Чужие на Родине? Исследование «diasпоральной идентичности» русских вынужденных переселенцев.// <http://mion.isu.ru/pub/russ-ost/diaspr/12.html>